

Снятие блокады. В наступлении

Каляев А.В.

Наконец наступил день 14 января 1944 года. Утром по всему Ленинградскому фронту и на Ораниенбаумском плацдарме наши войска открыли шквальный артиллерийский огонь. Грохот стоял оглушительный. Били орудия всех калибров. Вели огонь боевые корабли и мощные береговые батареи. Над немецкими позициями поднялась сплошная стена разрывов. Артподготовка продолжалась несколько часов, а затем 2-я Ударная армия, находящаяся на Ораниенбаумском пятачке, прорвала немецкий фронт и пошла в наступление, охватывая с тыла немецкие позиции в районе Урицка - Пулково.

Нам было приказано выдвинуться в район бывшего поселка Дачное недалеко от города Урицка. Конечно, никакого поселка там за время блокады не осталось. Повсюду были только землянки армейских подразделений, обороняющих этот участок. 15 января 1944 года пошли в наступление войска 42-й армии навстречу 2-й Ударной армии, располагавшиеся на участке в районе Пулково. Основной удар наносился по Красному Селу, которое мы оставили еще осенью 1941 года. После упорных боев войска двух армий соединились в районе Ропши, окружив группировку немцев в районе Петергофа и Стрельны. К 20 января эта группировка была ликвидирована, и немецкие войска начали паническое отступление. Нам было приказано двигаться через Красное Село в направлении Гатчины. Через пару дней мы вошли в Гатчину, которая была сильно разрушена. 27 января блокада Ленинграда была полностью снята.

В Гатчине мы долго не задержались и уже через сутки двинулись вслед за отступающим врагом в сторону Эстонии. По пути следования нам попадались сожженные деревни, на полях в снегу лежало много трупов немецких солдат. При отступлении немцы просто зверствовали. Однажды мы наткнулись в районе Волосова на большой сарай, в котором лежало человек тридцать расстрелянных немцами стариков и женщин. И такие «следы» немецкого отступления мы обнаруживали не раз.

Противник заметного сопротивления не оказывал. Уже к концу января мы продвинулись через Молосковицы, Именицы к Веймарну, последнему крупному населенному пункту перед городом Кингисеппом на старой советско-эстонской границе. Часть нашего полка двигалась от Красного Села в направлении деревень Анташи и Ушевицы, а затем на станцию Веймарн. В феврале в районе деревни Ратчино подразделения 106-го погранполка вступили в бой с остатками отступающего эсэсовского полка «Норд». Бой длился полдня, и фашисты были разгромлены. В бою погибло шесть солдат 106-го погранполка. Пограничники взяли в плен 60 немецких солдат и офицеров и захватили большое количество оружия. В районе Кингисеппа немцы оказали ожесточенное сопротивление, но советские танкисты, сломав оборону врага, ворвались в Кингисепп. С нашей стороны тоже были потери, несколько наших танков оказались подбитыми и сгорели вместе с экипажами.

Мы вошли в Кингисепп в начале февраля 1944 года ночью. Немцев здесь уже не было. Двигались мы осторожно, но спустя некоторое время обнаружилось, что наша группа забрела на минное поле. Пришлось с риском выходить с него, но все кончилось благополучно, никто не подорвался. Когда мы вышли к берегу реки Луга, на которой стоит Кингисепп, увидели, что мост через Лугу подорван, и дальше двигаться невозможно. На крутом склоне реки, уткнувшись орудием вниз, почти вертикально застыл наш тяжелый танк, который по всей видимости пытался прорваться через мост, но не смог и сорвался по склону вниз.

Мы повернули назад, нашли достаточно большой уцелевший дом и расположились в нем. Через два дня ночью немецкая авиация провела мощную бомбежку Кингисеппа. Я как раз в эту ночь был дежурным по подразделению. Остальные солдаты за исключением двух часовых спали вповалку на полу вдоль стен. Немецкая авиация повесила над Кингисеппом

на парашютах осветительные ракеты, и стало светло, как днем. Бомбовые удары были слышны кругом. Я вышел из дома, рядом с которым стояли две наши лошади. Вдруг услышал звук пикирующего немецкого бомбардировщика. По звуку чувствовалось, что он пикирует в район, где расположен наш дом. Затем раздался вой летящих вниз авиабомб. Я на всякий случай бросился на землю, и в это время одна из бомб разорвалась в 20-30 метрах. Лошадь, стоявшая рядом, рухнула на землю. Как оказалось, ее убило крупным осколком. Дом разрушен не был, однако все рамы в окнах вылетели внутрь и накрыли спящих ребят. Но все отделались лишь легкими порезами и синяками. Дом был бревенчатый, из толстых бревен, и осколки бомбы их не пробиты.

В эту же ночь немцы бомбили станцию Веймарн, на которой располагался штаб 106-го погранполка. Там результаты бомбежки оказались более существенными. На железнодорожных путях стоял вагон со снарядами для «Катюш». Одна из бомб попала в этот вагон. Реактивные патроны многих снарядов загорелись, и снаряды, крутясь, стали разлетаться по станции и по поселку. К счастью, в снарядах не было взрывателей, в результате чего они не взрывались и сильного вреда не причинили. Однако некоторые бойцы полка получили ранения.

Несмотря на попытки немцев организовать оборону по реке Луга и остановить на этом рубеже наши войска, им это не удалось. Уже через две недели, к 15 февраля 1944 года, немцы были отброшены за реку Нарву на территорию Эстонской ССР, а наши части с ходу захватили плацдарм на эстонской стороне реки южнее города Нарва. Немцы при этом смогли удержать небольшой плацдарм в районе Иван-города.

К городу Нарва из Кингисеппа подходило прямое, как стрела, шоссе. Немцы его хорошо просматривали и пристреляли все его участки. Ходить там было опасно. Однажды мы вчетвером попали на этом шоссе под артогонь и долго не могли выйти из-под него, так как немцы хорошо видели все наши движения. Однако нам все же удалось вырваться из-под обстрела невредимыми.

Фронт по реке Нарва стабилизировался, и до осени там шла позиционная война. Весной наш батальон отвели в поселок Молосковицы, расположенный недалеко от железной дороги. В мае был получен приказ сформировать из части подразделений 106-го погранполка маршевый батальон, как выяснилось позже - с целью отправки в Западную Украину для борьбы с бандеровскими бандами. Получил приказ и я собрать солдатские вещи и без оружия направиться на сборный пункт. Согласно этому приказу несколько бойцов, в том числе и я, прибыли на сборный пункт в 20 километрах от Молосковиц. Там формировали взводы и роты маршевого батальона. Когда дело дошло до меня и еще до одного бывшего студента-политехника, нас исключили из списков отправляемых и приказали возвращаться в свои подразделения, что мы с радостью и сделали. Позже до нас дошла информация, что многие ребята, попавшие на Западную Украину, погибли в боях с бандеровцами, которые тогда терроризировали население западно-украинских сел и городов, а сейчас считаются на Украине чуть ли не героями.

Летом меня включили в снайперскую команду и отправили на передний край в районе Нарвы. Передний край частично шел по берегу реки Нарва, а частично проходил по болотистому лесу вокруг Иван-города. В этом месте передний край был своеобразный. Болотистая почва не позволяла рыть траншеи и землянки, так как они немедленно заливались водой. Поэтому вместо траншей забивались в землю два ряда кольев. Между рядами кольев было полтора-два метра. Каждый ряд кольев оплетался длинными ветками. Получалось два параллельных плетня высотой полтора-два метра, и между ними насыпалась земля. На некотором расстоянии в таком земляном валу делались амбразур. Немцы, находящиеся от наших позиций за 150-200 метров, тоже имели такие земляные валы, между которыми тянулась нейтральная заминированная полоса.

Заниматься снайперской охотой в таких условиях было довольно сложно. Когда я осторожно пристроился со снайперской винтовкой в одной из амбразур, то очень быстро полу-

чил от немцев в эту амбразуру пулеметную очередь. Меня она не задела, но я понял, что немцы все амбразуры пристреляли и наблюдают за ними.

Иногда приходилось менять позицию и перебираться на другой участок переднего края. Немцы находились на другом берегу реки, но, несмотря на большое расстояние, их позиции хорошо просматривались с нашей стороны. Но все же большей частью приходилось «снайперить» из-за земляного «забора».

Землянки здесь не строили из-за болотистой почвы. Вместо них сооружали бревенчатые блиндажи из трех срубов - один в другом. Сверху срубы накрывались бревнами в три наката. В такой блиндаж вела одна дверь с противоположной от немцев стороны, и не было никаких окон и амбразур. В таких избушках-блиндажах мы и жили. Однажды, когда мы после снайперской охоты спали в одной из избушек, в нее и вокруг нее стали падать мины из шестиствольного немецкого миномета. Мина, попавшая в избушку, разметала два верхних наката бревен и один внешний сруб. Но один накат бревен и два сруба остались целы, и это нас спасло.

После снайперской работы под Нарвой осенью 1944 года меня направили в район Сланцев недалеко от Чудского озера, из которого вытекает река Нарва. Позиции наших войск располагались на правом берегу реки, а немцев - на противоположной, эстонской стороне. Группировка немцев, находящаяся в это время в Эстонии, оказалась под угрозой окружения, так как наши войска вышли к Балтийскому морю в районе Рижского залива. И немецкая группировка полностью лишилась пути отхода. 14 сентября наши войска нанесли удар с юга Чудского озера в направлении Риги, и немцы начали отвод своих войск с фронта. А 17 сентября наши разведчики обнаружили, что передний край чист.

В тот же день мы переправились через реку Нарва возле ее истока у Чудского озера и двинулись в направлении на Таллин. По Эстонии шли быстро. Немцы не оказывали существенного сопротивления. И уже 26 сентября наши войска освободили Таллин. При движении по Эстонии значительную опасность представляли для наших солдат даже не немцы, а эстонские профашистские отряды «Амокайц» и «Кайцелит», которые нападали на небольшие группы или отдельных советских солдат и офицеров и зверски с ними расправлялись. Хотя со стороны наших солдат и офицеров отношение к эстонцам было вполне доброжелательным. Поэтому, двигаясь по Эстонии, мы никогда и никуда не ходили в одиночку и тем более без автоматов. По пути нам чаще всего встречались хутора и реже - деревни. Промышленных предприятий мы почти нигде не видели.

Наш 106-й погранполк вышел в начале октября 1944 года в населенный пункт Турба, расположенный юго-западнее Таллина на полпути к городу Хаапсалу. Подразделение, в составе которого находился я, разместилось недалеко от Балтийского моря в поселке Вазалемма, в котором мы стояли до ноября. 16 ноября 106-й погранполк получил приказ передислоцироваться в пригород Таллина Нымме. В декабре полк был передан в подчинение Прибалтийского пограничного округа и был переформирован в 106-й пограничный отряд для охраны государственной границы по побережью Балтийского моря и Финского залива.